

Источник: Азаров В. Б. «Яшинская рябинка» /
В. Азаров // А музы не молчали! : эстафета памяти /
В. Азаров. – Москва, 1987. – С. 63–68.

«ЯШИНСКАЯ РЯБИНКА»

А сейчас я хочу перенести вас в Вологду, хотя сам, так уже получилось, пока в ней не побывал. И все же этот край, связанный с именами Константина Батюшкова и Владимира Верещагина, Сергея Ильюшина и летчика-космонавта Павла Беляева, Александра Яшина и Николая Рубцова, знаком мне и лично дорог.

Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне,
И в дебрях и в снегах.
Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны вьюгу, непогоду,
На родине мой кров.

Так писал поэт К. Батюшков, участник Отечественной войны 1812 года.

Благодаря ученикам Ермаковской средней школы Вологодского района и одному из их наставников, председателю областной краеведческой секции Воло-

годского отделения краеведческого общества Ю. С. Широковскому, был поднят и поддержан общественностью вопрос о восстановлении дома Батюшкова в Хантонове.

...Кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!
Ах, дайте мне коня!
Туда помчит он быстрым бегом
И день и ночь меня!

В сочинениях детей, посвященных литературной славе Вологодчины, неизменно дается ответ на вопрос: «За что я люблю свой край?» Вот отрывок из одного школьного сочинения: «Наверное, я и люблю свой край за загадочные леса, за болота, за церквушки, белеющие на угорах, за деревни с мерцающими в темноте огоньками окон, за людей добрых, отзывчивых и простых, которые живут на нашей северной русской земле».

С одним из таких людей, опытным наставником молодежи Валентиной Станиславовной Старковой я и познакомлю вас здесь. Валентина Станиславовна — преподаватель литературы и эстетики вологодского СИТУ связи № 30.

Мы встретились с ней и с ее учениками в ленинградской молодежной гостинице «Спутник» на Петроградской стороне, и речь у нас зашла о военных годах и о земляке приехавших в Ленинград вологжан Александре Яковлевиче Яшине.

Выло это, по-видимому, в 1978 году, год спустя после моего знакомства со школьниками, посадившими «Сад поэтов».

У вологжан нет подобного сада, а лишь одно деревце памяти. Они назвали его ласково и просто — «Яшинская рябинка». Это же название позднее ребята дали и своему литературному кружку.

Каждое утро что-то несу
В дом из окрестных роц,
Чаги кружок,
Черенок для ножа,
Корень, охапку дров,
Шишку, похожую на ежа,
Песню, пока без слов.

Я словно слышал глуховатый, с округлым «о», голос Александра Яшина. Когда мы познакомились

с ним, Политуправление Краснознаменного Балтийского флота находилось еще не на Песочной улице (ныне улица профессора Попова), недалеко от места нашей сегодняшней встречи, а на Васильевском острове. Яшин был изможден, блокадный голод усугубляла болезнь легких. И все же он продолжал выполнять свой главный воинский долг.

Служил он на Ораниенбаумском плацдарме, в редакции многотиражки морской пехоты, часто бывал на передовой, вблизи реки Воронки.

В 1978 году о Яшине мне и моим товарищам сначала рассказывали гости из Вологды. Для того чтобы создать свой музей, ребята совершили ряд увлекательных экскурсий, познакомились в деревне Блудново с матерью поэта Евдокией Григорьевной, сестрой Александрой.

Ребята восторженно рассказывали о доме, где живут близкие Яшина, где он очень любил бывать. Полки с книгами, самодельная мебель, стулья-коряги, стол на нне, сработанные замечательным писателем Василием Беловым.

Говорили члены кружка и о посещении Волгограда, где после блокадного Ленинграда Яшин продолжал сражаться своим оружием — словом.

А потом настала моя очередь рассказывать. С той поры я продолжаю поддерживать связь с участниками литературного кружка ПТУ № 30, с их руководителем.

Я рассказывал тогда о сумрачном блокадном Ленинграде, о вымерзших, казавшихся мертвыми улицах, с узкими проходами в снегу... О том, как мы с Яшиным побывали в семье ленинградского рабочего Рожавина, в чьей судьбе Александр Яковлевич принимал большое участие. Я тогда отдал им лежавший в противогазной сумке кубик гречневого концентрата. Много лет спустя я получил от этой семьи по почте небольшую шкатулку, где лежал похожий кубик.

Для чего я рассказал ребятам из «Яшинской рябинки» об этом? Вероятно, для того, чтобы они представили хотя бы частично условия, в которых жил, создавал стихи, радовался и страдал человек, чье имя носит их кружок.

«Кто хоть когда-нибудь был приобщен к «Яшин-

ской рябинке», тот должен быть счастливым человеком, потому что мало кому так повезет — попасть в круг людей, увлеченных поэзией. О себе могу сказать, — пишет бывший староста кружка Смолин, учившийся потом в Ленинградском высшем военном инженерном училище связи имени Ленсовета, — что многие черты во мне сформированы именно «Яшинской рябинкой».

И еще одно свидетельство: «Благодаря своей учительнице по литературе переступила я порог «Яшинской рябинки». Постепенно проникая в мир его поэзии, я открыла для себя много нового, взглянула на окружающий мир словно бы его глазами и поняла, что этот мир сложнее, интересней, чем я прежде думала. А когда мы побывали на Бобришном угоре (место, где, по его желанию, погребен Яшин), я поняла его еще лучше...»

Так пишет бывшая участница кружка Нелли Ходунова.

Я рад, что познакомился с этим коллективом, руководимым бессменно вот уже пятнадцать лет В. С. Старковой, хотя понимаю, конечно, что доля моего участия в нем весьма скромна.

«Душу свою, сердце я отдаю вам...» Так, словами Александра Яковлевича Яшина могла бы, вероятно, сказать своим ученикам и Валентина Станиславовна Старкова.

Но разве только она одна?!

На Вологодчине, да и не только там, существуют многочисленные музеи, школьные кружки, где собирается и хранится то, без чего человеку никак не обойтись. Нет, не то «престижное», кичливое, с фальшивым золотом корешков ни разу не прочитанных книг в шкафах, с чудесами записывающих и воспроизводящих звуковых устройств, с сувенирами «а ля рюс» на коврах. Скромные, простые, подчас даже обыденные вещи — но как много они могут сказать уму и сердцу подростка!

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал,
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал...

Этими словами старого моего фронтового товарища Александра Яшина я бы мог, наверное, завершить главу.

«Яшинская рябинка» не одинока. Есть у нее со- товарищи в других городах и селах Вологодчины.

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, встречаемый народом...
Скажите мне, кто в этом виноват,
Что пароход, где смех царил и лад,
Стал для него последним пароходом?
Что вдруг мы стали тише и взрослей,
Что грустно так поют суровым хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над беспробудно дремлющим угором...

Эти стихи Николая Рубцова, посвященные Алек- сандру Яшину, читают дети в музее памяти талант- ливого поэта в Тотемской средней школе.

А в Белозерске школьники рассматривают ком- сомольский билет № 4235122 командира танкового взвода, старшего лейтенанта Сергея Орлова, проби- тый осколком снаряда. Медаль «За оборону Ленин- града», в которую попал вражеский металл, отдали- ла смерть.

Встает машина на дыбы
И опускается с размаху.
Тут все глядят в лицо судьбы.
Одной. Все пятеро, без страха.

Александр Яшин так же глядел в лицо судьбы. Сегодня долголетие его стихов утверждает и «Яшин- ская рябинка».

Когда я работал над этими страницами, судьба свела меня с ныне здравствующим вологодским по- этом Виктором Коротаяевым, много сделавшим и для пропаганды творчества Николая Рубцова.

Беседуя с Коротаяевым, я вспомнил, как в блокаду в канун праздника Октября к нам в Ленинград были доставлены с вологодской земли от девушек-колхоз- ниц посылки бойцам Ленинградского фронта. Мне достался кисет с краснофлотскими эмблемами, ма- ленький блокнотик, начка махорки, шерстяные носки и варежки с большим пальцем и указательным для спускового крючка. Варежки, домотканые, теплые, в ту морозную зиму особенно мнегодились. Когда

я натянул варежку на правую руку, в одном из пальцев обнаружился какой-то плотный комочек. Это был крошечный пакетик с семечком подсолнуха. На бумажной его обложке было написано: «Боец! Береги это семечко. Пока оно с тобой, ты будешь жив!» Далее следовали подпись и адрес. Я и мои товарищи, Всеволод Вишневский и другие члены оперативной группы писателей Пубалта, в которую недолгий срок входил и Александр Яшин, послали письмо с благодарностью вологодской комсомолке. Последовало ответное письмо, уже не только от нее одной. Потом переписка оборвалась.

Может быть, среди писавших нам тогда была и мать одного из тех, кто учится мужеству на поэзии Александра Яшина, Сергея Орлова, несет вахту памяти в рядах «Яшинской рябинки»?

«МНОЖЬТЕ ДОБРЫЕ ДЕЛА, РЕБЯТА!»

Еще одно путешествие из Ленинграда, на этот раз близкое, в Нарву. Здесь, в восьмилетней школе № 9, вот уже свыше двадцати лет преподает историю коммунист, заслуженный учитель Эстонской ССР Илья Романович Гейкер.

Однажды, беседуя с учениками о жизни Владимира Ильича Ленина, педагог показал им несколько редких изданий, доставшихся ему в наследство от близкого человека, ветерана Коммунистической партии. Среди них были и сатирические журналы времен первой русской революции. Педагог видел, как вспыхнули живым интересом глаза его учеников. Кто-то из них спросил: «А можно ли написать кому-либо из тех, кто лично видел и слышал Владимира Ильича или Надежду Константиновну, разговаривал с ними?»

«Да, — ответил Илья Романович, — такие люди еще живут среди нас. И, как правило, они очень отзывчивы, в особенности тогда, когда к ним обращаются школьники».

Сказано — сделано! Я не знаю точно, чей ответ на отосланные письма пришел первым. Может быть, это было письмо от Елены Дмитриевны Стасовой или Анастаса Ивановича Микояна? А может быть,